

Текст · 26 июля 2019, 03:56

Никита Сологуб,

«Ртом пытаются поймать дождинки». За что москвич, привязанный полицейскими к дереву в Чертаново, получил четыре года колонии

Вечером 30 июня 2017 года житель московского района Чертаново Расим Исмаилов вышел из магазина «Седьмой континент» в километре от метро Пражская, когда к нему обратился полицейский и попросил выступить в качестве понятого. Весь день шел проливной дождь (это [подтверждает](#) и архив погоды), который, как казалось, не собирался прекращаться, Исмаилов устал после тяжелого рабочего дня, но отказываться не решился. Получив согласие, полицейский тут же подхватил второго понятого — его звали Вялит Ашряпов — и повел мужчин в лесополосу по левую сторону от супермаркета.

Там они увидели служебную машину и еще трех полицейских. Приглядевшись в сумерках к одному из деревьев, Исмаилов заметил, что к нему привязан мужчина, насквозь вымокший от дождя — его руки были с помощью автомобильного буксировочного троса прикреплены к ветке над головой, а лицо повернуто к стволу. Пока сотрудники объясняли правила проведения личного досмотра, понятой наблюдал за пленником и силился понять, что с ним: тот то отключался, то через две минуты просыпался, принимался брыкаться, пытаясь достать кого-нибудь

из присутствующих ногой, и кричать, что ему больно, умоляя развязать руки.

Перед началом досмотра один из сотрудников — замначальника отдела уголовного розыска ОМВД по району Чертаново Центральное Сергей Жарков — предложил мужчине на дереве выдать запрещенные предметы, но тот ответил, что таких у него нет. Полицейский стал осматривать каждый предмет его одежды, начиная с куртки. Наконец, когда полицейский, сам уже изрядно промокнув, добрался до правого кроссовка, мужчина дернул ногой. Обувь все же удалось снять. Внутри ничего не оказалось. Тогда полицейский стянул со ступни носок и вывернул его наизнанку — оттуда показался полиэтиленовый сверток. На вопрос обыскивающего, чей это сверток, задержанный ответил, что ему он не принадлежит.

Когда Жарков закончил заполнять протокол, в котором указал, что сверток был обнаружен в обуви задержанного, понятые внимательно прочитали его, согласились с тем, что там написана правда, расписались в документе и пошли по домам. Как вспоминает Исмаилов, по пути он задумался: не странно ли, что в протоколе не объяснялось, как и почему мужчина оказался привязан к дереву? Не должен ли он был знать, сколько тот вообще провел времени вместе с полицейскими до того, как пригласили понятых? Но придавать этим вопросам значения мужчина не стал.

Ночь задержанный — им оказался 43-летний менеджер по продажам компании «Медиаком» Павел

Комов — провел в камере чертановского отдела полиции. В свертке оказались 0,6 грамма спайса. Спустя полтора года мужчине дали четыре года колонии общего режима.

Дождинки на языке

В суде Комов рассказывал, что учился в пятом классе, когда его отца, полковника КГБ, отправили служить под прикрытием в Англию, а затем — на Кубу; семья отправилась с ним. Вернувшись в Москву через пять лет, молодой человек поступил в МГУ, через несколько лет после окончания которого стал менеджером по продажам сначала в компании «Бонус Медиа», а затем — в фирме «Медиаком» (эти компании указаны и в его [профиле](#) в LinkedIn).

В 2005 году у него с женой родился сын, через полтора года — еще один, но вскоре супруги развелись, и Комов переехал к родителям-пенсионерам, в квартиру на Ботаническом саду. Доподлинно неизвестно, когда Комов начал употреблять наркотики, однако из материалов уголовного дела следует, что в начале 2013 года его за рулем машины остановили сотрудники ДПС; освидетельствование показало наличие в его крови каннабиноидов. Комова лишили прав.

В феврале 2015 года мировой суд оштрафовал его на 13 тысяч рублей за вождение по поддельным правам^[1], а спустя полгода, в сентябре, приговорили по той же статье к семи месяцам исправительных работ. В январе 2016 года судья оштрафовал Комова на 200 тысяч рублей — на этот раз за повторное вождение

в нетрезвом виде^[2]; ему на полтора года запретили управлять автомобилем.

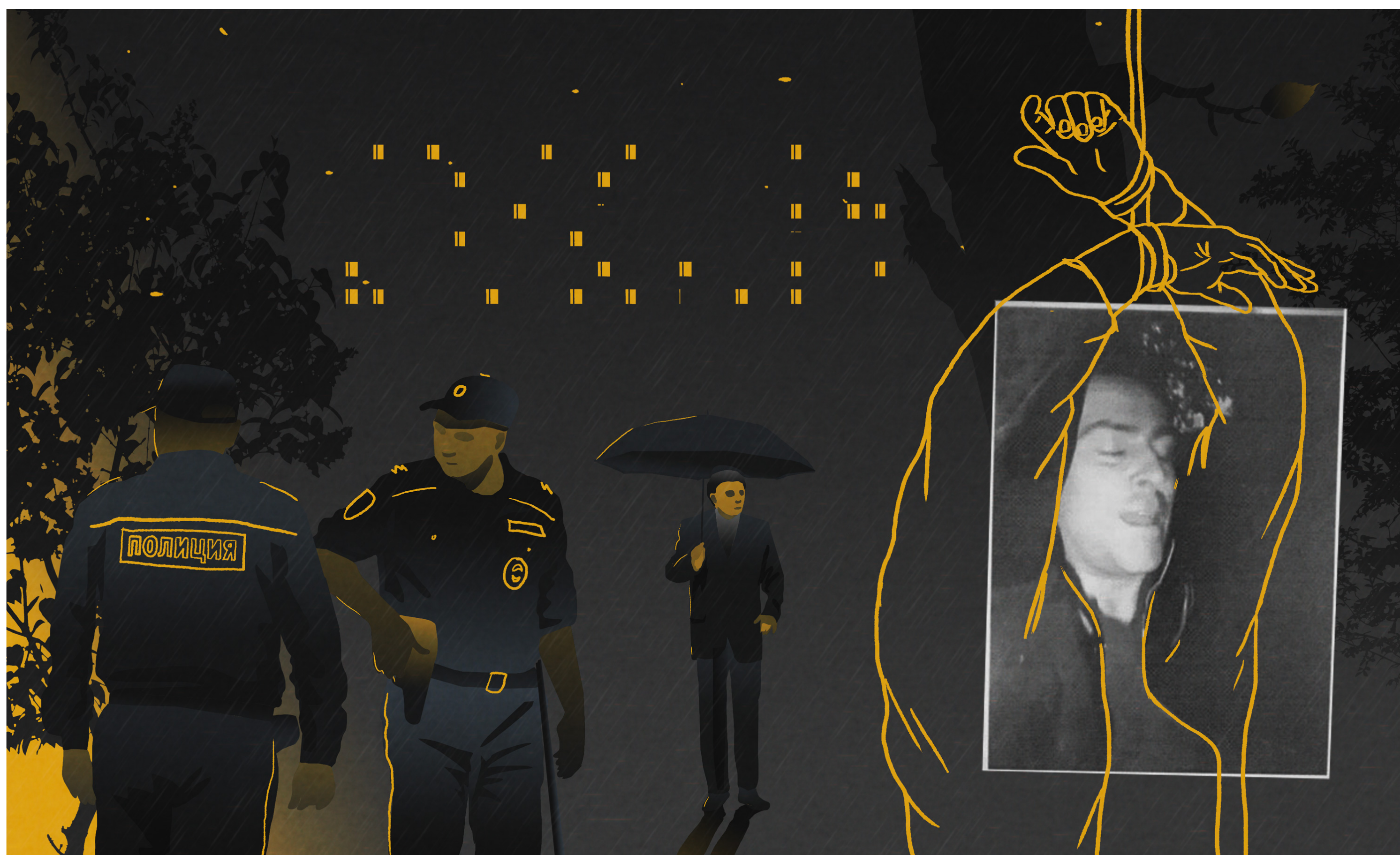

Иллюстрация: Михаил Чернов / Медиазона

Еще через пять месяцев мужчину госпитализировали в НИИ имени Склифосовского с интоксикационным психозом, вызванным отравлением оксibuтиратом натрия, или просто бутиратом — психотропным веществом, которое в малых дозах употребляется в качестве стимулятора, а в больших оказывает эффект депрессанта. Комова поставили на учет в наркодиспансер, куда он должен был регулярно приходить — в среднем раз в три месяца — и сдавать анализы.

Ходил Павел Комов на прием в наркодиспансер неподалеку от станции метро ВДНХ и утром 30 июня 2017 года: по словам врача-нарколога Натальи Ломоносовой, он сдал анализы на 10 видов наркотиков — экстази, морфин, фенциклидин, метадон, бензодиазепин, трициклические антидепрессанты, барбитураты, амфетамин, кокаин и марихуану —

и получил справку об отрицательных результатах исследования.

Вечером же — около 19:10 — полицейские задержали его на противоположном конце Москвы, неподалеку от метро «Пражская».

Согласно идентичным друг другу показаниям троих сотрудников патрульно-постовой службы из ОМВД по району Чертаново Центральное, проезжая мимо «Седьмого континента», они обратили внимание на мужчину, который «кричал что-то неразборчивое, сначала бегал по тропинке около деревьев, потом стал обниматься с деревом, практически лег на него».

Выйдя из служебной машины, уверяли полицейские, они подошли к мужчине, представились и попросили документы, в ответ на что тот «стал говорить что-то неразборчивое», а затем представился Павлом и дал паспорт, в котором лежала справка от нарколога. Поскольку запаха алкоголя от него не исходило, полицейские предположили, что тот находится под воздействием наркотиков, и решили задержать его. Вызвав на место следственно-оперативную группу, они попытались посадить Павла в машину.

«Однако тот вел себя неадекватно, сопротивлялся, а, учитывая его состояние, в целях, чтобы его зафиксировать, чтобы он не скрылся, а также чтобы он не причинил вреда себе, либо не нанес ущерб служебному автомобилю, то мы зафиксировали его около дерева. Для фиксации рук Комова нами был использован тканевый трос, так как при использовании наручников он мог в случае попытки освободить себе руки повредить их. Мы

также проверили, чтобы трос не перетягивал руки Комова слишком сильно», — говорится в показаниях патрульных.

Согласно показаниям выехавшего на место замначальника чертановского угрозыска Сергей Жаркова, звонок коллег поступил ему в 19:30 — через 20 минут после фактического задержания Павла Комова. Однако полицейский, хотя и находился в отделе в полутора километрах от супермаркета, приехал на место лишь через час. Понятые Исмаилов и Ашряпов, по их словам, присоединились к личному досмотру в 20:50 — таким образом, к этому моменту задержанный был привязан к дереву уже больше полутора часов.

На допросе у следователя понятые рассказали, что когда из носка привязанного к дереву достали сверток с порошком, он стал возмущаться, настаивая, что тот ему не принадлежит. Мужчина отказался ставить подпись в протоколе личного досмотра и требовал предоставить ему адвоката.

В это время один из полицейских стал снимать происходящее на видео. Ознакомиться с содержанием записи «Медиазоне» не удалось^[3], однако в деле есть протокол ее осмотра с описанием видеозаписи:

«Комов находится в заторможенном состоянии, глаза прикрыты, улыбается, затем высовывает язык и ртом пытается поймать дождевики. Далее Комов на вопрос лица, осуществляющего съемку о том, что он употреблял, отвечает, что он ничего не употреблял, а также высказывает нецензурные выражения: "Вы че,

гоните, из какого носка достали?". Затем на просьбу представиться сообщает: "Комов Павел Юрьевич". <...> Затем открывает глаза, продолжает высказывать: "Вы че, гоните, из какого носка достали? Вы че, прикалываетесь, что ли?"».

Как и утреннее исследование в наркодиспансере, освидетельствование после задержания не показало в крови Комова следов тех наркотиков, которые можно было выявить экспресс-тестом. После визита к специалисту мужчину посадили в камеру для административно задержанных, где он провел ночь, а наутро к нему приехал адвокат по назначению — Виктор Бессарабов. По его совету на допросе Комов воспользовался статьей 51-й статьей Конституции, отказался от дачи показаний и вышел из отдела под подписку о невыезде в качестве подозреваемого по части 2 статьи 228 УК (приобретение наркотиков в крупном размере).

«Обычное копирование». В Башкирии суровый приговор по 228-й статье отменили

из-за дословного совпадения приговора и обвинительного заключения

Через день после задержания, 2 июля, он обратился в больницу с жалобой на избиение полицейскими: врачи зафиксировали гематомы носа, шеи, плеча и кистей рук, которые могли образоваться не менее чем от пяти ударных или сдавливающих воздействий тупых предметов. Вместе с адвокатом Павел Комов подал заявление о действиях полицейских в СК.

Вскоре мужчину допросили повторно — на этот раз он согласился дать показания и рассказал, что в день задержания, приехав на работу на станции метро Петровско-Разумовская, он почувствовал себя плохо и выпил 50 капель валокордина, затем повторил ту же дозировку, а когда пришло время ехать домой, употребил лекарство снова. Как утверждал Комов, по пути он уснул в метро, а очнулся уже на станции Южная, около 19:00. Поскольку в метро был час-пик, он попытался выйти из подземки, но на улице почувствовал себя плохо и потерял сознание.

Очнулся он, заверял Комов следователя, уже в полицейской машине, после чего его привязали к дереву и оставили висеть на нем на протяжении практически двух часов. При этом он был зафиксирован лицом к стволу и не мог видеть происходящее позади него. По словам задержанного, кроссовки с него снимали дважды: первый раз без понятых, а второй раз — уже после того, как они прибыли на место.

После обнаружения наркотика, уверял Комов, его отвезли в чертановский ОМВД и стали требовать написать признание; при этом полицейский Жарков якобы несколько раз ударил его в лицо и живот, а затем приставил к ноге пистолет и пообещал прострелить ее. Однако по какой-то причине, рассказывал мужчина, уже через пять минут — после того, как на лице у него появилась кровь — сотрудник уголовного розыска от идеи выбить признание отказался и просто отправил его в камеру.

Бутират и наведение порчи

Следствие по делу Комова завершилось летом 2018 года — по словам адвоката, материалы долго перекидывали из одного отдела в другой. За год доказательств, помимо показаний полицейских, понятых и самого обвиняемого, видеозаписи с прикованным к дереву Комовым, протокола его досмотра с последующим изъятием «спайса» и медицинских документов, в деле так и не появилось.

Допрашивать полицейских и обвиняемых с помощью полиграфа следователь тоже отказался, тогда адвокат сам заказал исследование, показавшее, что Комов, вероятно, не врет, когда говорит, что у него не было с собой спайса и что полицейские привязали его к дереву, а их коллега Жарков избил и обещал прострелить ногу.

Иллюстрация: Михаил Чернов / Медиазона

По словам адвоката Виктора Бессарабова, вскоре после первого допроса выяснилось, что подзащитный не был до конца откровенен и с ним: в ходе одной из бесед Комов признался — он употреблял вовсе не валокордин, а бутират. Изучив прошлый печальный опыт взаимодействия своего доверителя с сотрудниками МВД и судами — штрафы и лишение водительских прав — защитник решил, что если тот скажет правду, то в версию о подбросе спайса суд ни за что не поверит.

«Никакого спайса у него с собой не было. Но у метро его кувырало, вот ему и подбросили наркоту. <...> То есть все в его показаниях правда, а выдумка лишь в том, что он был под воздействием бутирата, а не валокордина. У этих веществ побочные эффекты от передозировки одинаковые, поэтому, так как в организме ничего обнаружено не было, мы решили избрать такую позицию, — объясняет защитник. — В нашей стране каждому могут подбросить наркотики, поэтому, если бы мы признались, у нас бы не было

никаких шансов. Судья бы подумала: "Наркоман? Ну и черт с ним!"».

Судья Чертановского районного суда Людмила Зиньковская начала рассматривать дело Комова в августе 2018 года. Для вынесения решения ей понадобилось десять заседаний, два из которых переносились из-за неявки участников, а одно было посвящено ходатайству адвоката об отводе судьи.

В суде адвокат Бессарабов пытался доказать, что протокол личного досмотра, в ходе которого был изъят наркотик, является недопустимым доказательством, поскольку к этому времени Комов уже был лишен свободы передвижения, а значит, фактически задержан и нуждался в присутствии адвоката, которого не было.

Привязывая задержанного к дереву, настаивал защитник, полицейские нарушили закон «О полиции», который запрещает подвергать людей обращению, унижающему человеческое достоинство. Более того, тот же закон разрешает применение спецсредств только «в случае крайней необходимости или при задержании лица, совершившего преступление» — а полицейские объясняли, что решили использовать трос, чтобы Комов не навредил себе или служебному автомобилю.

«Очевидно, что четверо сотрудников полиции — профессионально подготовленных мужчин с табельным оружием — могли бы справиться с сопротивлением одного мужчины, чьи движения "были не скоординированы", как следует из показаний свидетелей», — указывал защитник в суде.

Разрешить эти противоречия в суде полицейские не смогли. Отвечая на вопрос, сумел бы Комов скрыться, если бы его не привязали к дереву, патрульный Олег Рудагин прямо ответил: «От меня — нет». Использование буксировочного троса, а не наручников, он объяснил тем, что если бы у Комова «было что-то запрещенное при себе в задних карманах, он бы смог это выкинуть».

Сотрудник угрозыска Сергей Жарков не смог ответить на вопросы о том, должны ли были они предоставить задержанному защитника.

— Кто именно привязывал Комова к дереву? — уточнял у него адвокат Бессарабов.

— Я не знаю.

— Почему его привязали веревкой, если у сотрудников были наручники?

— Не могу ответить.

— Почему ему не была вызвана скорая помощь?

— После досмотра его отвезли на освидетельствование, к медикам.

Понятого Валита Ашряпова доставить в суд не удалось. Второй понятой, Расим Исмаилов, подтвердил свои показания, согласно которым на улице шел дождь, а задержанный все время повторял, что ему больно, просил его развязать, недоумевал, откуда в кроссовке оказался сверток и требовал, чтобы ему вернули телефон.

Сам Павел Комов в суде придерживался версии, согласно которой находился под действием валокордина, когда его задержали и привязали к дереву. «Я вообще не понимал, что со мной происходит, — говорил он. — Я не верил, что это происходит со мной. То, что меня привязали к дереву, было очень тяжело, я прислонился лицом к дереву, мне сильно затянули руки. В такой ситуации я никогда не был, с полицейским в таких случаях никогда не сталкивался, я законопослушный гражданин».

Лишний вес. Краткая энциклопедия полицейских наркопровокаций

Когда судья попыталась узнать, почему на видеозаписи у дерева он улыбается, Комов ответил так: «Потому что это бредовая ситуация. Это полный бред, что у меня из носка достали какие-то наркотики. Я улыбаюсь от шока».

Адвокат Бессарабов просил судью вынести оправдательный приговор и признать, что наркотики подбросили сотрудники полиции. Сам Комов уверял: спайс — это не его «уровень», а «наркотик для молодых наркоманов». «Хочу сказать, что сейчас вы меня судите, а надо судить тех людей, которые совершили надо мной такое зверство, — говорил он в своем последнем слове, ссылаясь на результаты полиграфа. — Ради своей очередной палки [полицейский Жарков] состряпал дело и подставил меня под статью. Я в шоке от всего этого расклада. Я даже сначала хотел пойти к гадалке и навести порчу».

12 декабря 2018 года судья признала его виновным и приговорила к четырем годам в колонии общего режима. Практически одновременно в СК вынесли постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлению Комова — по словам Бессарабова, следователь прямо говорил ему, что если будет вынесен обвинительный приговор, то завести дело на сотрудников он не сможет.

Апелляционная и кассационная инстанции приговор подтвердили, но адвокат Бессарабов сдаваться не намерен и собирается подавать жалобу в Верховный суд.

«Да, он не ангел, но тут же очевидно, что ему подкинули, — не сомневается защитник. — Тут даже спорить то не с чем — у человека наркотики нашли после того, как он в связанном бессознательном состоянии два часа перед полицейскими привязанный провисел. Я даже знаю, как было: они его увидели в таком состоянии,

подошли и подумали — ну, какой-то наркоман — да еще в паспорте увидели справку о том, что на учете стоит, прощупали, а там ничего нету. Ну а что поделать — уже ведь поймали, уже ведь связали, значит, надо хоть что-то подкинуть!».

Вскоре суд ждет и досматривавшего Павла Комова полицейского Сергея Жаркова — судя по сайту Чертановского районного суда, с конца прошлого года он находится под стражей об обвинении в превышении должностных полномочий с применением насилия и оружия или спецсредств (пункты «а» и «б» части 3 статьи 286 УК). По данным собеседника «Медиазоны», знакомого с материалами дела, его обвиняют в попытке вымогательства и похищения человека.

Редактор: Егор Сковорода

1. Часть 3 статьи 327 УК (использование заведомо подложного документа).
2. Статья 264.1 УК (управление автомобилем лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию за управление автомобилем в состоянии опьянения).
3. По словам адвоката, Виктора Бессарабова, следователь пояснил ему, что «для копирования видеозаписи на съемный носитель у него нет технических средств» — и отказался передать ее.